

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1953

Е. И. ГНЕВУШЕВА

ПУТЕШЕСТВИЯ П. И. ПАШИНО ПО ПЕРСИИ И ИНДИИ

Петр Иванович Пашино родился в 1836 г. в г. Иrbите. Он рано лишился родителей: когда ему было два года, умер его отец — певчий придворной капеллы, а в девятилетнем возрасте он лишился и матери. Детство и юность П. И. Пашино прошли на Урале в Иrbите, Соликамске, Чердыни, Перми, а затем в Казани. В Казанской гимназии он учился на казенный счет. Уже будучи гимназистом, Пашино обратил на себя внимание выдающимися способностями к восточным языкам. В 1851 г. в «Казанских губернских ведомостях» появился его первый перевод «Татарских сказаний»¹. После окончания гимназии он был принят на арабско-турецко-татарское отделение Историко-филологического факультета Казанского университета. Однако окончить этот университет Пашино не удалось — восточное отделение, где он учился, закрылось, и ему пришлось ехать в Петербург, чтобы завершить свое образование уже на Восточном факультете Петербургского университета. Только год проучился он в Петербургском университете (1855—1856), но этот год имел огромное значение в формировании взглядов П. И. Пашино.

В Петербургском университете Пашино включился в кружок кавказских студентов и сблизился с демократическими кругами; к этому времени относится и его знакомство с Добролюбовым.

По окончании университета Пашино был отправлен «для ученых изысканий» в Казанскую губернию, где он проявил интерес к археологии, занимаясь раскопками в Булгарах на Волге. Отчет Пашино об этой командировке был принят, и его

¹ «Татарские сказания». Перевод П. И. Пашино. «Казанские губернские ведомости», 5.III 1851 г.

оставили при университете для прохождения магистерского курса.

Результатом личных наблюдений и впечатлений во время командировки явились этнографические очерки Пашино «Волжские татары», напечатанные под прозрачным псевдонимом в «Современнике»¹. Закончив магистерский курс, Пашино в 1857 г. был направлен на службу в Азиатский департамент министерства иностранных дел. Грошовое жалование заставило Пашино искать себе дополнительного заработка в литературном труде. Но литературный заработок был незначителен, и на некоторое время мы застаем Пашино преподавателем в Лесном Институте. Сам он с удовольствием вспоминает о своей педагогической деятельности, но есть указания на то, что институтское начальство относилось к Пашино недружелюбно, как к «допускавшему вольности по отношению к ученикам и за образ его мыслей»².

В 1861 г. Пашино был отправлен в Персию вторым секретарем посольства. Через полтора года пребывания в Персии он взял отпуск и отправился в Петербург. Он избрал себе путь через Северную Персию, воспользовавшись этим случаем, чтобы с нею ознакомиться. Прибыв в Петербург, он начал печатать свои очерки о Персии в различных периодических изданиях столицы.

Но в Петербурге, куда так рвался из Персии Пашино и куда он прибыл в 1862 г., он нашел изменившиеся обстоятельства. Ряды его литературных друзей и знакомых значительно поредели. В это время правительственные репрессии обрушились на деятелей революционной демократии.

Через некоторое время Пашино получил было назначение первым секретарем посольства в Персию. Но это назначение вскоре отпало по обстоятельствам, которые положили предел его дипломатической карьере. В Петербурге стали распространяться, как сообщает Пашино, листки «Земля и воля». Получал их и Пашино. Он читал их и давал читать своим друзьям. В результате последовал донос и обыск. Ареста ему удалось избежать, но назначение в Персию было отменено. Он остался прикомандированным к министерству иностранных дел. В это время Пашино сблизился с литературным кружком, куда входили братья Курочкины, Минаев, Можайский и др.

Восточные страны продолжали попрежнему манить Пашино. Случай скоро представился. Во время присоединения к России

¹ П. А. Ш и н о. Волжские татары. Журн. «Современник», 1860, т. XXXI, кн. 5, стр. 255—290.

² Русский биографический словарь, СПб., 1896—1918, т. 13, стр. 427.

стран Средней Азии потребовалось много людей, знавших восточные языки для работы в качестве переводчиков и т. п. В связи с этим Пашино был отправлен в Ташкент.

Но в Туркестанском крае Пашино пробыл недолго: с обращением относился он к грубым приемам царских чиновников, не скрывая ни от кого своих взглядов, и вскоре был выслан из Ташкента под конвоем казаков за «неблагонадежность», выразившуюся в том, что он разоблачал перед местным населением злоупотребления и, по его мнению, неправильные действия высшей царской администрации¹.

Результатом краткого пребывания Пашино в Туркестане был его чрезвычайно обстоятельный доклад Русскому географическому обществу — «Записка о производительных силах Туркестанской области», извлечение из которой «О фабричной и торговой деятельности в Туркестанской области» опубликовано в «Известиях Русского Географического Общества», а в 1868 г. Пашино издал для широкой публики книгу «Туркестан в 1866 г. Путевые заметки».

В 1870 г. была сделана вторая попытка использовать Пашино в качестве переводчика при Кауфмане. Но как и в 1866 г., он не мог ужиться с людьми, не желая приспособливаться к обстоятельствам и нравам царских чиновников. Уже через два месяца Пашино был вынужден покинуть Ташкент, после чего навсегда оставил службу в министерстве иностранных дел.

В дальнейшем Пашино отдает себя продолжению литературной деятельности. В 1872 г. он начал издавать журнал «Азиатский вестник», который, однако, сразу же после выхода первого номера закрыла цензура, усмотревшая в статьях расхождение с официальными установками и опасавшаяся, что журнал может стать проводником «социально-демократического учения»².

В 1873—1875 гг. Пашино дважды посетил Индию, пытаясь проникнуть в Туркестан через горные проходы Северной Индии, а затем в 1875—1876 гг. совершил кругосветное путешествие. Продолжая добывать себе средства к жизни работой в различных газетах и журналах, путешественник готовил к печати серию книг «Вокруг света». Однако вышла в свет только первая книга задуманной серии — «По Индии»³. Через год после опубликования этой книги, в 1886 г., П. И. Пашино был искалечен во время уличной катастрофы, полностью потерял трудоспособность,

¹ ЦГВИА, ф. ВИА, ч. I, № 36—011, стр. 54.

² ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, ед. хр. № 31.

³ П. И. Пашино. По Индии. СПб., 1885.

и его, одинокого человека, литературные друзья поместили в петербургскую городскую богадельню, где он и умер в 1891 г.

Вскоре сам Пашино был забыт. Но его работы о Востоке представляют несомненный интерес как своеобразные источники. Они содержат сведения, расширяющие круг наших представлений и знаний по ряду вопросов, относящихся к новой истории Индии и некоторых других стран.

Большой интерес с этой стороны представляют путешествия Пашино по Персии и Индии, материалы о которых печатались им в периодической прессе.

ПАШИНО В ПЕРСИИ

Воспоминания Пашино о Персии не были изданы отдельной книгой. Они рассеяны по страницам столичной прессы; в «С.-Петербургских ведомостях» были напечатаны его очерки «За Эриванью», остальные под названием «Письма о Персии» печатались в газете «Русь» (без подписи), а после того, как прекратилось ее издание, — в «Еженедельных прибавлениях к Русскому Инвалиду». «Письма о Персии» представляют собою тщательно обработанные записи дневников. Эти письма не имеют определенного адресата, в них нет и обращений к читателю, эпистолярная же форма была нужна автору, как наилучшее средство выразить личное отношение к людям и событиям. Автор весьма добросовестен, правдив, не доверяет первым впечатлениям, проверяет себя другими свидетелями, сравнивает свои наблюдения с наблюдениями И. Н. Березина, незадолго до того выпустившего свою книгу «Путешествия по Северной Персии», часто ссылается на Мельгунова¹. Пашино был знаком также с материалами многих других авторов, писавших о Персии, в частности с трудами Иствика. Но на первое место Пашино ставит сведения, полученные им от персов. «Многое я заимствую из моих бесед с младшим мирзой (писцом) нашего посольства в Тегеране, Абдул-Вегабом, проехавшим все степи до Бухары»².

Упомянув о кочевниках Персии, Пашино делает оговорку: «Предупреждаю, впрочем, что сведения мои основаны единственно на рассказах народа, и легко может быть, что они не выдержат строгой ученой критики, требующей глубокого

¹ Г. В. Мельгунов. О южном берегу Каспийского моря. Замечания Г. Мельгунова. СПб., 1863.

² П. И. Пашино. Письма о Персии. Газ. «Русь», 1864, № 16.

исторического изучения предмета. Тем не менее, толк народа имеет свою интересную сторону, отвергаемую учеными, но важную в глазах этнографа¹. Разнообразные ссылки и свидетельства не заслоняют основного в «Письмах о Персии» — личного суждения от полученных им непосредственно впечатлений. Хотя Пашино детально указывает свой маршрут, но он, очевидно, не ставил своей главной задачей описание пройденных местностей. Мы не найдем в «Письмах о Персии» ни описаний дворцов и мечетей, ни описаний празднеств, в них нет ни слова о шахе или шахском дворе, хотя Пашино как член дипломатической миссии должен был неплохо знать быт и нравы высших кругов Тегерана. Его «Письма о Персии» содержат ряд зарисовок жизни персидского народа, его быта, его идеологии, в них говорится о борьбе народа за улучшение своего положения. Пашино описывает движение и учение бабидов, причем симпатии автора явно на стороне Баба. Все события персидской жизни Пашино старается не только описать, но и осмыслить, что придает его очеркам особую ценность. Автор тщателен в описании персидской специфики — и природы, и быта, но при этом он не увлекается ни дешевой экзотикой, ни анекдотом.

Воспоминания Пашино о Персии могут быть разбиты на две части. В первой части — «За Эриванью» — автор излагает свои первые впечатления о Персии: это путь Пашино в Персию из России через Ереван, Нахичеван до персидской границы и первые шаги уже по персидской земле. Вторая часть — собственно «Письма о Персии» — представляет собой описание обратного пути из Персии в Россию, в котором автор, проживший уже полтора года в Персии, излагает не только то, что видел сам, но и то, что уже знает из различных источников. Поездки в Персию в то время, когда путешествовал Пашино, совершались на лошадях, дороги были не безопасны от нападений кочевников. Отправляясь в Персию, Пашино ехал с курьером, который вез в Тавризское генеральное консульство деньги, точно так же и обратно в Россию он возвращался вместе с курьером русского посольства, который на этот раз вез казенные суммы в Астрабад.

Еще не попав в собственно Персию, а только подъезжая к этой стране, Пашино встретился с представителями ее народа. Навстречу русскому каравану, с которым следовал Пашино, время от времени шли люди, направлявшиеся на заработки в пределы русских владений. Пашино сразу же отметил крайнюю

¹ П. И. Пашино. Письма о Персии. Еженедельные приложения к «Русскому Инвалиду», 1864, № 36.

нищету простого народа. «Это все были персиане из Тавриза, Маранда, Ардебилля и даже из Урмии, которые ежегодно совершают подобное путешествие в Эривань, Тифлис, Кутаис и другие закавказские города для заработков¹. Должно быть не совсем выгодно в Персии положение работников, каменщиков, столяров и проч., когда они маршируют за тысячу верст, чтобы заработать по одному рублю в сутки. Костюм их заключался в одной длинной рубахе, иногда совершенно разорванной, как решето, и в войлочной, наподобие горшка, шапке, которая вплотную обтягивала их полувыбритую голову. За спиной ни котомки, ни пилы, ни топора, — признак недовитости и крайней нищеты; в руке длинный посох вроде поповской трости². Обычный путешественник того времени ничего не заметил бы в этих встречах путника, кроме «живописных лохмотьев». Пашино же умел наблюдать, умел делать выводы. Очень интересным является указание на такое раннее развитие отходных промыслов в Персии.

Из Персии в Россию Пашино возвращался тем же опасным и трудным путем. Снова пришлось ему «плестись по тропинкам, избегая на каждом шагу то зацепиться головой за древесную ветку, то свалиться в обрыв вместе с лошадьёю, то попасть в когти зверя, то в руки разбойника»³. И это не было фразой: Пашино пишет, что, когда путешественники проезжали по мазандеранскому лесу, за отрядом почти до самого Ширяха следовал тигр. Пришлось испытать и дождь, и град, и итти пешком рядом с лошадьёю, когда дорога становилась труднопроходимой.

Как уже указывалось, каждое «письмо из Персии» Пашино не представляет собою ни точного и подробного описания мест, которые посетил автор, ни законченного очерка. Для примера разберем его первое письмо. «Я в Фирузку, в горах Эльбурса», — так начинается Пашино письмо, указывая свое местонахождение. Что ему сразу здесь бросилось в глаза — то, что «окрестности Фирузку заселены различными еретиками и людьми недовольными теми распорядами, которые творит у подножья их горных жилищ подслеповатое персидское правительство»⁴.

¹ Очевидно среди отходников, которых Пашино называет по признаку подданства, а не по национальному, «персианами», на самом деле были не только персы, но, главным образом, азербайджанцы.

² П. И. Пашино. За Эриванью. «С.-Петербургские Ведомости», 1864, № 131.

³ П. И. Пашино. Письма о Персии. Еженедельные приложения к «Русскому Инвалиду», 1864, № 37.

⁴ П. И. Пашино. Письма о Персии. Газ. «Русь», 1864, № 16.

Народ, его жизнь, его идеология — вот, что прежде всего интересует Пашино. Здесь же он приводит сведения о курдах. Несколько строк уделяет Деличайскому ущелью, но не для описания красот пути, а потому, что ему вспомнилась тяжелая зима 1860—1861 г., когда выпал глубокий снег и караваны с хлебом, который перевозили обычно на осликах, не смогли перебраться через ущелье, что вызвало голод и бунт женщин в Тегеране. Воспоминание ли об этом голодном бунте заставило Пашино вспомнить в этом письме еще одно выступление недовольных шахскими порядками или какое-нибудь другое обстоятельство, но, упоминая, что конвоировавшие караван солдаты принадлежали к Семнанскому полку, он тут же рассказывает, как месяц тому назад этот полк взбунтовался, не получая уже два года жалования. «Бунт их состоял в том, что они, оставив ружья в казармах, гурьбой прибежали в лагерь шаха, в Султанет-Абад и просили его покровительства против обкрадывающего их нещадно полкового начальства. Шах потребовал к себе 10 депутатов и выслушал от них жалобу, которая заключалась в том, что они уже два года не получали жалования. Шах приказал тотчас же полкового командира с 10 штаб-офицерами лишить права продолжать службу, конфисковать имущество для удовлетворения солдат за два года двойным окладом и перед чистой отставкой примерно отодрать по пятам перед всей гвардией, засим полк распустил в бессрочный отпуск. Военный министр исполнил экзекуцию с обычной жестокостью, так что пальцы летели на воздух, и при этом наказал также солдатских депутатов за то, что они осмелились мимо его обратиться прямо к шаху»¹.

Читателю самому предоставляется судить о политической системе персидского деспотизма, в условиях которого господствовали казнокрадство, произвол властей, беззащитность и бесправие подданных.

Не излагая писем Пашино одного за другим, во избежание повторений, следует отметить лишь те факты и обобщения, которые могут представить интерес для истории Персии.

Прежде всего Пашино интересуется жизнью народных масс. Отмечая, что ему «случалось переехать весь Азербиджан от нашей границы до провинции Зенгянской, потом соседнюю с последней провинцию Казвинскую и прожить около двух лет в самой столице Ирана», путешественник обращает внимание на нищету персидского крестьянина². Он подчеркивает трудолюбие

¹ П. И. Пашино. Письма о Персии. Газ. «Русь», 1864, № 16.

² П. И. Пашино. Письма о Персии. Еженедельные приложения к «Русскому Инвалиду», 1864, № 45.

персидского крестьянина и резкое несоответствие природных богатств страны и нищеты трудящихся. «Такая богатая страна,— пишет Пашино,— населена самым бедным народом. Эта дисгармония нищеты поселян с богатством природы, более или менее присущая почти каждой стране, здесь объясняется отчасти еще тем, что все главные способы благоприобретения находятся в руках монополистов. Громадный доход, получаемый шахской казной с прикаспийских провинций, доставляется единственно откупам и пошлинами»¹. Но не только система откупов разоряет персидское крестьянство. Пашино ясно видит, что вся существовавшая система деспотического управления низводит жизнь крестьянина до самого жалкого уровня. «Жизнь деревенского персианина грязнее гораздо самого бедного нашего мужика, хотя дом персу стоит значительно дешевле»².

Жилище перса — это мазанка из глины, не всегда выдерживающая сильный ливень. Не лучше положение трудящихся — жителей городов. «Если я Вам скажу, какова поденная плата в Персии и какова сдельная, то полная возможность человеку здоровому и сильному умереть с голоду окажется весьма естественной. Каменщик в день получает от 8 до 12 жаль (шай.— *Е. Г.*), т. е. от 12 до 18 коп. серебром; за выделку одной тысячи сырых кирпичей платится 45 коп. серебром. Невозможность найти работу и, наконец, самое ничтожное вознаграждение за труд и порождает то бедствие, которое вы видите повсюду в Азии; оно же создало в Персии особую породу людей — пролетариев, готовых на все, не могущих рисковать ничем, потому что и жизнь-то сама тяготит их, она им не дорога»³.

Конечно, в приведенной цитате терминология Пашино резко расходится с научным определением деклассированных элементов деревни и города Персии. Обездоленных людей, о которых говорит Пашино, мы не можем назвать пролетариями, так как речь идет не об общественной категории капиталистического общества; «пролетарии» Пашино—это, в основном деклассированные элементы города и деревни — люди горького труда и случайного заработка.

По мнению Пашино, они несли в себе угрозу шахскому правительству. По крайней мере, Пашино довольно конкретно представлял себе, как «в один прекрасный день они (персидские «пролетарии». — *Е. Г.*) сами очнутся, вспомнят, что есть в Персии шах и что в его сундуках лежат давно мертвые капиталы,

¹ Там же, № 43.

² Там же, № 45.

³ Там же, № 35.

собранные с народа, которые могут оживить их, дать им возможность за долгую голодуху разгуляться и удовлетворить свою широкую натуру, которую не могли подавить столетия голодной страдальной жизни»¹.

Правительственный грабеж и сама система персидского абсолютизма вызывали волнения населения. Пашино, как уже об этом было указано выше, сообщает о бунте солдат, о голодном бунте женщин в столице Персии — Тегеране; он видел покинутые деревни и хорошо знал, что люди, «недовольные распоряжками правительства, бегут в горы». О движении бабидов, потрясшем основы шахской власти, Пашино говорит с сочувствием: «сколько известно, Баб был человек очень умный и основательно образованный по-мусульмански... все имущество свое роздал бедным, из богача стал нищим и своим примером увлек весьма скоро большую толпу последователей»². В самом движении Пашино увидел его антифеодалную направленность, разглядел в нем стремление к равенству и даже к обобществлению имущества, свойственное многим народным движениям эпохи феодализма; так, он подчеркнул общественное владение имуществом у бабидов: «они не признают шахской власти, отказываются платить налоги и повинности, потому что не имеют собственности»³. Пашино в подтверждение этому рассказывает следующий факт: когда во время бабидского движения правительство хотело конфисковать владения торговцев и ремесленных предприятий Зенджана — последователей Баба, — то бабиды, — жители города, с оружием в руках отстояли эти владения, указывая, что все это имущество принадлежит не отдельным лицам, «а составляет общественную собственность». Пашино дал краткое изложение движения бабидов, но не заметил направленности этого движения против иностранных колонизаторов и не сумел полностью разобраться в сущности учения Баба. Пашино считал, что Баб учил об отрешении от всего земного, в чем и видел самый верный путь достижения «царства небесного», тогда как на самом деле Баб это «царство небесное» стремился установить на земле, в частности, в Иране.

Пашино неоднократно отмечал живой интерес персов к России и к русским.

Он рассказывает о том, с какой жадностью слушали персы рассказы о России. Для них это была страна, где господствовали «порядок и закон», т. е. неприкосновенность собственности,

¹ П. И. Пашино. Письма о Персии. [Еженедельные приложения к «Русскому Инвалиду», 1864, № 35.

² Там же.

³ Там же.

твердая власть, единство государства — в противовес феодальной раздробленности Персии и произволу шаха. Те, которым удавалось побывать в России, не разочаровывали своих соотечественников. Наоборот, действительно хорошее в русской жизни вырастало в их рассказах до необычайных размеров. Пашино с улыбкой слушал такие рассказы и, надо полагать, они вовсе не были неприятны его патристическому сердцу. Пашино любил свою родину. Жизнь в дипломатической миссии, полная дразг, сплетен и взаимных подсиживаний, ему так надоела, что он буквально рвался в Россию, чем и объясняет свою торопливость во время путешествия: «Желание не пропустить парохода, желание попасть скорее на русскую землю, заглушали во мне любознательность, утомление, опасение за свою голову, — словом я дышал мыслью, как можно скорее увидеть родину»¹. Однако он хорошо сознавал, что ожидать ему лично для себя в своей отчизне чего-нибудь хорошего не придется. «Я забывался по временам, переносясь мысленно в Россию, где, впрочем, не ожидал встретить ничего особенного; это было ощущение неиспытанного еще мною чувства любви к родине»². Мы можем понять, почему он так обрадовался, увидев еще на персидской земле, у Астрабадского залива русскую вывеску Закаспийского торгового товарищества.

Весьма характерной чертой Пашино было то, что он не мог полностью наслаждаться одной природой, в которой нет человека или хотя бы следов его деятельности. «Но как ни очаровательно грандиозна природа, отсутствие человека лишает ее громадной дозы прелести», — замечает он³. Отсутствие человека в природе вызывает у Пашино чувство какой-то тоски и поэтому общение с природой не дает ему ощущения удовлетворенности и счастья. Пашино описывал, главным образом, людей — их положение, их жизнь. Уделяя внимание положению крестьян, он, однако, особенно подробно останавливался на описании городов. О Тавризе — главном городе южного Азербайджана, подвластного персидским шахам, Пашино сообщает довольно много сведений, причем особенное внимание уделяет его значению как центру торговли с европейцами. «На тавризском базаре вы встретите следующие привозимые статьи: ситцы, коленкоры, сукна, металлические и хрустальные изделия, сахар, кисеи, бархат, плис, зеркала, свечи восковые и стеариновые; в обмен

¹ П. И. Пашино. Письма о Персии. Еженедельные приложения к «Русским ведомостям», 1864, № 37.

² Там же № 41.

³ Там же, № 35.

здесь продают европейцу шелк-сырец, бязь, хашхалат, чернильные орехи, холодное оружие, краски, москатальные товары, пряности, шали, ковры, сушеные фрукты и проч. мелкие статьи. Торговый баланс остается всегда не в пользу Персии», — совершенно справедливо замечает И. Н. Березин¹. Но Пашино сразу же делает оговорку: «Это справедливо в отношении Европы, а не России». Пашино — не сторонний наблюдатель. Он озабочен неудачами российской торговли в Персии. Так, например, он сетует на то, что у русских купцов нет еще той сноровки и приспособления к вкусам персов, как у англичан, которые рисунки для ситца и фарфора — товаров, предназначенных для сбыта в Персии, — заказывают персидским художникам. В данном случае, Пашино явно защищает интересы поднимающейся русской буржуазии. Здесь, как и в ряде других мест, Пашино выступает сторонником русской экономической экспансии на Востоке.

Тавриз, Казвин, Тегеран предстали в письмах Пашино перед русскими читателями не только в их специфически полуфеодальном восточном облике — окруженные многоверстными садами, зубчатыми стенами, с шумными базарами, узкими грязными улицами, на которых разлагаются трупы животных, — но и с характерными чертами современности; так, на облик Зенджана сказались недавняя, сравнительно, борьба шахских войск с бабдами: половина города в развалинах. Любопытнo сопоставить впечатления Пашино от г. Сари — главного города Мазандеранской провинции, с тем, что привлекло внимание современника Пашино, англичанина Иствика, также посетившего этот город. Сам Пашино цитирует его в своих письмах. Иствик приводит легендарные сведения об основании города; в настоящем же, по его мнению, город замечателен только... лихорадками и лягушками. Пашино пробыл в этом городе недолго; он торопился, чтобы попасть на пароход. Но, тем не менее, он отметил чрезвычайно важную деталь — процветающую в этом городе торговлю невольниками — пленными туркменами, а также неграми. Описывая Сари, Пашино обратил значительно большее внимание на экономическое положение этого города, чем на его внешнюю сторону, о которой он говорит далеко не столь подробно. Пашино отметил, что в городе Сари, несмотря на довольно большое по тем временам население (15 тыс. чел., не считая войск), торговля очень плохая, за исключением торговли невольниками. А это происходит потому, что местные власти

¹ П. И. Пашино. Письма о Персии. Еженедельные приложения к «Русскому Инвалиду», 1864, № 45.

обложили огромной пошлиной каждый товар, прибывающий в город. «Если бы этого не было,— замечает Пашино,— то здесь был бы натурально главный рынок по торговле рисом, хлопком, шелком и фруктами»¹. Уменьше Пашино разбираться в экономических и социальных фактах, не увлекаясь описательной экзотикой, выгодно отличает письма Пашино от очень многих других, появившихся в его время заметок и воспоминаний. Его «Письма» не были капитальным исследованием истории или экономики Персии,— не даром они и называются «Письма». Но заметки дневников и свежие воспоминания, к тому же тщательно продуманные, делают «Письма о Персии» Пашино весьма ценным источником.

Интересные подробности для русских читателей приводит он в своих письмах о некоторых обычаях в Персии, описывая обряды брака, похорон и другие черты народного быта. Пашино не забывал о том, что Россия — страна несравненно более передовая, чем Персия, как бы ни были велики исторические и культурные традиции последней. Вопрос о русском проникновении в Персию рассматривался им в двух аспектах. С одной стороны, он нередко правильно, критически оценивал политику реакционной, чиновничьей России в Персии; с другой стороны, он постоянно отмечал то положительное значение, которое имело для Персии соприкосновение с русской культурой, и укрепление экономических связей с Россией.

Ко времени пребывания Пашино в Персии относится его встреча с Вамбери, в июне 1862 г. Скучная жизнь в Тегеране заставляла обращать внимание на каждого нового человека, и когда в Тегеране появился Вамбери, который направлялся в Среднюю Азию, Пашино сразу же его заметил. Получив о нем сведения, как о «весьма многосторонне образованном человеке, претендующем даже на знание русского языка», Пашино стал искать встречи с ним. В свою очередь и Вамбери заинтересовался Пашино, узнав, что он знаком с бытом и языком «восточных татарских народов»: казанских и сибирских татар, башкир и киргизов. Встреча произошла на обеде в английском посольстве. «За обедом разговор велся по-турецки, потому что английский посланник г. Алисон великолепно владеет этим языком и, кроме турецкой миссии, гостей не было»². Разговор Пашино с Вамбери касался, главным образом, лингвистических тем: Вамбери

¹ П. И. Пашино. Письма о Персии. Еженедельные приложения к «Русскому Инвалиду», 1864, № 37.

² П. И. Пашино. Встреча с Вамбери в Персии. «С.-Петербургские Ведомости», 1862, № 175.

интересовался тюркскими диалектами, а также бытом и социальным положением волжских татар. В Тегеране дипломаты придавали путешествию Вамбери в Хиву и Бухару политическое значение, что соответствовало действительности.

В 1875 г. Пашино еще раз побывал в Персии, на этот раз в южной. Он начал свое путешествие из Бомбея, откуда отправился к персидским берегам. В нескольких очерках он описал места южной Персии, забытые другими русскими путешественниками¹.

Путь Пашино шел пустынным берегом Белуджистана до города Бендер-Аббаса, «славного своими развалинами и богатого древностями», затем в город Бушир, который вел крупную торговлю с Англией и Багдадом и пользовался, в частности, дурной славой невольничьего рынка.

Далее Пашино направился к селению Баразгун, а затем долиною рек Деляки и Карагач до селения Ташти-Кунар, лежащего на высоте 730 м. над уровнем моря. Пришлось преодолевать перевал за перевалом, некоторые были очень трудны (высота перевала Пиризен достигает 2225 м.); итти горными тропами, теснинами, заваленными камнями, где можно было встретить хищных животных. Такой была дорога к Ширазу. Из Шираза Пашино направился в Исфаган. От Исфагана путь шел по гористому пространству до города Кашана, а затем Пашино прибыл в Кум, известный среди мусульман-шиитов Персии своей святыней — гробницей сестры восьмого имама. Весь путь Пашино прошел как мусульманин в одеянии паломника-хаджи, возвращающегося из Мекки.

Посетив Персию в 1875 г., Пашино не заметил в этой стране особых изменений по сравнению с 1861 годом. Города юга Персии являли такой же печальный вид запустения и упадка, как и города севера. На юге невольничество было заметно распространено; Бушири и Исфаган были главными невольничьими рынками Персии.

К базарам персидских городов Пашино проявлял, как и всегда, большое внимание. Он отметил, что в Ширазе преобладают английские товары и отсутствуют русские. «Я разговаривал с купцами об их торговых делах и о том, почему они не выписывают товаров из России. Они отвечали, что русские ни за что не хотят приноровиться к их вкусам, между тем как

¹ «...положительно со времен Березина не было ни одного слова сказано в нашей литературе о местах, прилегающих к Персидскому заливу и, насколько мне помнится, — даже сам Березин повернул из Шираза на Багдад» (П. Пашино. По забытой сторонке. Газ. «Обзор», 1880, № 416).

австрийцы и англичане делают это с особенным удовольствием»¹. На базарах Исфагана товары были разных стран, однако ткани уже преобладали русские. Английское экономическое влияние чувствовалось слабее по мере продвижения с юга на север.

Народ Персии попрежнему изнемогал от шахского деспотизма и произвола местных властей. По дороге к Ширазу, в деревне Заньюн, Пашино беседовал с крестьянами. Разговор с ними лишний раз показал Пашино, в какой мере жизнь и имущество персидского народа зависели от шахского произвола.

В своих «Письмах о Персии» Пашино дал яркую картину настроения народа, обрисовал застой и упадок страны, видя его причины, прежде всего, в персидском деспотическом режиме, который он сурово осуждал.

ПОЕЗДКА В ИНДИЮ

О своем путешествии в Индию, целью которого, в частности, являлось изучение путей, ведущих из Индии в Среднюю Азию, Пашино поставил в известность Русское географическое общество, членом-сотрудником которого он был.

Прибыв в Индию в 1873 г., Пашино направился сперва в Агру, затем в Бомбей и по железной дороге в Амритсар, оттуда в Сиапкот, Джамму и далее в Исламабад. Затем он повернул к Инду, перешел Инд, и вдоль реки Гильгит добрался до города Гильгит, а оттуда проник в Ясин, Амальсу и Даркот.

Путешествие было не из легких. По возвращении в Россию, Пашино сделал сообщение о своем путешествии на собрании Географического общества, которое отметило трудность и риск путешествия: «Самой любопытной частью путешествия г. Пашино было странствие его от Кашмира в независимые владения в Индии в горах Гималая»².

По железной дороге Пашино ехал только до Амритсара, остальную часть пути проделал на лошади и пешком. В горах Кашмира проводники в специально сделанных корзинах несли на своей спине путников. Этим способом передвижения пришлось воспользоваться и Пашино. Как диковинку, он весьма подробно описывает корзину, в которой совершал путешествие. Но в гору он никогда не заставлял себя нести, всегда шел пешком. Еще в 1867 г. у него было кровоизлияние в мозг, вследствие чего его правая рука и правая нога действовали не вполне свободно, он прихрамывал, волочил ногу и все же шел через горные перевалы.

¹ П. П а ш и н о. По забытой сторонке. Газ. «Обзор» 1880, № 425.

² «Изв. Русск. географ. об-ва», СПб., 1874, т. X, стр. 258.

От Гильгита Пашино стал изображать себя слугой своего проводника, который принял роль купца, и на все вопросы отвечал, что едет закупать лошадей в Яркенд или Коканд для сбыта их в английские войска. Таким образом, оставаясь в качестве слуги несколько в тени, Пашино почувствовал себя свободнее. Его потянуло в гущу народа, жизнью и бытом которого он всегда так интересовался. «Не страшась быть узнанным,— пишет Пашино,— я среди белого дня пошел шляться по базарам и повсюду»¹. Но Пашино удалось дойти только до Даркота. Оттуда он был вынужден вернуться обратно.

В 1874—1875 гг. Пашино совершает свое второе путешествие в Индию. Цель путешествия заключалась в том, чтобы проникнуть из северной Индии в русские владения. Попытки проникнуть из Средней Азии в северную Индию делались некоторыми западноевропейскими путешественниками, но другими путями². Пашино же предполагал идти из Пешавара к Читралу и проследовать никем не пройденным путем через Читрал в Ташкент.

Пашино совершал путешествие в качестве туриста. Во время своего достаточно продолжительного пребывания в Лахоре Пашино сумел совершить поездку на пароходе вниз по Инду до Котри, а затем уже по железной дороге вернулся обратно в Лахор. По дороге он останавливался в Мультапе, Ширшахе, Чачире, Шикарпуре. Результатом этой поездки явились очень интересные заметки о жизни индийцев.

28 ноября 1874 г. Пашино высадился в Бомбее и по железной дороге отправился в Аллахабад. Здесь до него дошел слух, что англичане обнаружили Нана-сахиба; Пашино сделал визит к губернатору с целью получить разрешение на свидание с одним из руководителей великого восстания 1857—1859 гг., но разрешения не получил. Впоследствии Пашино узнал, что слух о задержании Нана-сахиба был ошибочен: вместо него схватили кого-то другого. Даже поездка в так называемую туземную часть Аллахабада русскому путешественнику была запрещена. «Меня сильно тянуло туда»,— признается Пашино. Далее, через Каунпур (где он не останавливался), Агру он прибыл

¹ П. И. Пашино. По Индии, стр. 92.

² Еще в 1874 г. экспедиция посланника Форсайта проникла из Северной Индии на Памир и оттуда в китайские владения. В 1892 г. англичанин Данмор прошел через Кашмир, Яркенд, Кашгар в русскую Среднюю Азию, получив разрешение царского правительства на проезд в Россию, несмотря на весьма напряженные отношения между Петербургом и Лондоном в связи с памирскими делами.

в Дели. Затем на его пути были Амбалла, Симла, Амритсар и наконец Лахор, где он прожил около трех месяцев. В начале января 1875 г. Пашино получил было разрешение пройти в Туркестан через Читрал, но затем оно было отменено, и план Пашино пройти из Индии до Ташкента рухнул. По его собственным словам, Пашино был убит отменой разрешения. Он уже нанял себе проводника — «смышленного бухарца Хаджи Беграма, от природы одаренного богатым умом», он уже собрал немало сведений о пути, полученных им из расспросов местных жителей. В конце концов, наш путешественник, несмотря на предостережения редактора англо-индийской газеты «Сивил энд милитэри газет», повидимому, дружески по отношению к нему настроенного, решил осуществить свое намерение без разрешения английских властей. Он переодевается, выдает себя за араба и едет поездом на север. Но на одной железнодорожной станции Пашино был избит английским полицейским за попытку выпить стакан чая в буфете первого класса. После перенесенных оскорблений (он подвергся заключению в полицейском участке) Пашино решил вернуться домой, отказавшись от мысли продолжать свое путешествие, составил письмо на французском языке и направил его редактору «Сивил энд милитэри газет», а тот переслал это негодующее письмо в редакцию петербургской газеты «Голос», где оно и было опубликовано¹. Таким образом, второе путешествие Пашино в Индию закончилось неудачно.

Однако не добившись своей прямой цели — пройти из Северной Индии в Туркестан, — Пашино сумел многое увидеть в тех местах, где ему удалось побывать, и оставил подробные записи своих наблюдений.

Пашино побывал во многих индийских городах и деревнях. Во время первого своего путешествия он имел возможность общаться с населением. Свое внимание он обращал в основном на положение народных масс Индии.

Первым индийским городом, который увидел Пашино, был Бомбей. Во втором путешествии он дает очень точное описание Бомбея, как «туземного» города, так и европейского, с музеем, памятником королеве Виктории, но тут же добавляет: «Храмов английских и католических, построенных здесь еще до английского владычества, я... не имел особенного желания видеть; меня влекло совершенно в другую сторону...»² Он отмечает широкие улицы и бесконечные базары Дели, его пышную тропическую

¹ Газ. «Голос», СПб., 1875, № 102.

² П. И. Пашино. По Индии, стр. 219.

зелень, которая делает общий вид города «необычайно роскошным», и «необыкновенной величины» город Мадрас.

«Туземный» город привлёк значительно большее внимание Пашино. Он был готов долгое время бродить по его улицам, разглядывая индийские жилища и «поразительные своей красотой» цветы в садах, окружавших некоторые дома. В кварталах, где живет индийское население, «женщины на улицах ткут себе полотна, расставляют станки». Он, изображая собой турка-мусульманина, свободно заходит в мечети, совершает молитву, раздает милостыню, «таким образом у меня начались сношения с туземцами»¹. Но в индуские храмы он входить не решался, и то, что находилось внутри, разглядывал только издали. В Амритсаре он посетил храм сикхов и дал описание храма, где нет ни изображений божества, ни каких-нибудь других, кроме изображения цветка лотоса. Посредине, на столике лежала священная книга, по преданию, якобы написанная основателем религии — Нанакон.

Пашино внимательно знакомился с бытом индийцев, исповедывавших ислам, интересовался также сикхизмом. Пашино хорошо передал общее впечатление от индийских деревень, в которых он побывал: «Я заметил, что все деревни построены вблизи рек и ручейков, однако, на довольно далеком расстоянии от ручейков, так как весенние разливы превращают эти ручейки в огромнейшие реки. Строения раскинуты на довольно широкое пространство, так что подумаешь, будто уже другая деревня начинается, а между тем тут еще несколько домов, принадлежащих прежнему селению»². В такой большой деревне, расположенной недалеко от Чачира, был Пашино, когда он ехал пароходом по Инду. Все жители высыпали на берег. «Пестрые одеяния женщин и мужчин придавали картине праздничный вид; я с Гренвилем (один из случайных спутников Пашино, возвращавшийся из Пешавара в Лондон. — Е. Г.) отправился пройтись по селению. Но боже мой, что мы встретили!.. Лачужки, плетенные из камыша и необмазанные даже глиной, в которых жили и скот и люди в дружбе, не ссорясь между собой. Было несколько лачуг, построенных на двухсаженных сваях, так как Инд заливал эти места. Нищета и безобразие ужаснейшие. Женщины все необычайно худощавы; дети с замороженными желудками, как скелеты, и даже собаки как будто гармонировали этой картине — большая часть из них была с пере-

¹ П. И. Пашино. По Индии, стр. 42—43.

² Там же, стр. 87.

битыми ногами»¹. Мечеть — самое заметное здание в мусульманской деревне — «вовсе не имела характера молитвенного дома: простая плетеная избенка из тростника, с открытой террасой в 10 кв. сажен, не более, где правоверные совершали свое богослужение»². Мулла, с которым Пашино говорил по-персидски, жаловался на нищету, «на громадные налоги, на болезни, на отсутствие медицинской помощи».

Физическую красоту индийского народа Пашино заметил и оценил. «Мне кажется, что нигде так блистательно природа не наградила человеческой натуры, как здесь»³. Одновременно Пашино отметил ужасающую нищету индийцев, подчеркивал, что только благодатная природа позволяет индийскому крестьянину обходиться жалким подобием одежды. Он писал: «Костюм индуса состоит только из тряпки, обернутой вокруг головы, и еще небольшого куска материи, который обертывается вокруг чресел; на ногах, да и то не у всех, надеты башмаки»⁴. Горожане обертывают свое тело куском белой материи, англазированные индийцы подражают во всем и, конечно, в одежде — англичанам, они «щеголяют часами, цепочками, перстнями, золотыми поясами, бархатными жилетками, пестрыми европейскими панталонами»⁵.

О горожанах Пашино говорит несколько сдержанно. Крестьянство — большинство населения Индии, и ему Пашино уделяет больше внимания и неизменно выражает искреннее сочувствие. «Бедность и нищета здесь до того замечательны, что положительно поражают и проезжающих», — пишет он в одном месте⁶. Любуясь архитектурой индийских храмов, он тут же замечает контраст: «вид их необычайно изящен, несмотря на нищету и бедность индусского народа»⁷.

Так как Пашино был в тех местах Кашмира (например, вассальное княжество Ясин), которые до него не посетил ни один европеец, то о положении жителей этих горных областей он счел нужным рассказать наиболее подробно. Население описанных Пашино высокогорных областей постоянно увеличивалось за счет притока пришельцев из других местностей: «Беглые индусы, вследствие повстаний в 1850-х годах, сикхи и множество недовольных английским правительством бежали и поселились

¹ Там же, стр. 170.

² Там же, стр. 171.

³ Там же, стр. 193.

⁴ Там же, стр. 264.

⁵ Там же, стр. 265.

⁶ Там же, стр. 65.

⁷ Там же, стр. 18.

здесь, как мне рассказывали сами жители»¹. Пашино отмечает, что, несмотря на природные богатства края, народ был очень беден. Население занималось земледелием и скотоводством. Земледелие велось самым примитивным способом. Удобрений не знали, но, по словам Пашино, этого и не требовалось: земля очень плодородна. Система земледелия была переложной или, во всяком случае, очень близко ее напоминала: «Если земля не дает никаких плодов,— писал Пашино,— хлебопашец переходит на другое поле, так как здесь земли чрезвычайно много и права собственности на нее нет вовсе»². На полях, помимо хлебных злаков, разводили хлопок, коноплю, красящие растения. Деревни утопали в садах, в которых много и тутовых деревьев, но шелководство было развито слабо.

Из животных разводили лошадей, коров, коз, овец. Особенно высоко, по мнению Пашино, ценилась лошадь. Он сообщает, что за лошадь давали двух невольников. Такие продукты животноводства, как шерсть, имели большое значение: «Жители — большие искусники в приготовлении ковров, войлоков, шляп и других вещей из шерсти»³. Пашино предполагал, что ковры и войлоки вывозят за Гималаи; он узнал точно, что туда отправляют необработанные шкуры животных.

Примитивный образ хозяйственной жизни соответствовал и уровню развития общественно-экономических отношений: частной собственности на землю не существовало, торговля преимущественно была меновой.⁴ Пашино отмечает, что в обращении находились монеты любого происхождения, самой различной чеканки, в том числе и древне-селевкидские и сассанидские, но местные жители предпочитали им... раковины; не существовало определенных единиц мер и весов. Подати и налоги уплачивались натурой.

Повидимому, Пашино наблюдал и описал общество, находившееся на стадии классообразования: в этом обществе еще только появлялись замки, свидетельствовавшие об охране частной собственности; жителям было известно рабство. Соотношение ценности отдельных предметов к ценности раба было достаточно разработано, но Пашино не видел ни одного раба и склонен был даже предполагать, что слухи о невольни-

¹ П. И. Пашино. По Индии, стр. 58.

² Там же, стр. 111.

³ Там же.

⁴ Повидимому, у жителей горных гималайских областей, порядка которых описывает Пашино, существовала родоплеменная собственность на землю. Но Пашино этого вопроса не касается.

честве, о продаже путешественников в неволю сильно преувеличены¹.

Замки Пашино видел: они были деревянные и имели скорее символическое значение охраны. «Честность и крайняя добросовестность жителей изумительны: нет ни у одной двери железного кольца и цепочки, чтобы запирать на замок, а есть деревянные болты и деревянные замки с ключами»². Воровства Пашино не заметил. Из разных источников он был наслышан о жестокости и храбрости жителей Ясина, но ближайшее знакомство с народом вызвало в нем лишь чувство восхищения.

Все эти черты быта, подмеченные Пашино у жителей южных склонов Гиндукуша, к которым Пашино отнесся с известной идеализацией, свидетельствовали о таком ранне-классовом обществе, где были очень сильны пережитки родового строя.

Пашино был очень заинтересован связями населения Ясина и Даркота с областями, лежащими на север от Гималаев. Он заметил, что «шкуры коровьи, овечьи, конские и козьи стараются сбывать в города, лежащие по ту сторону Гималаев, так как сообщение с этим краем очень развито, между тем, как с югом весьма незначительно»³. Это навело Пашино на мысль, «что Даркотский проход не так ужасен, как проход Дерехан»⁴. Да и существование в горах остатков значительных укреплений типа замков, которых Пашино сам видел, говорило о постоянных связях через проходы Дерехан и Даркот. «В старину здесь цивилизация была более распространена, чем в настоящее время, и по всему вероятно, Дерехан-пасс был в прежнее время более удобным проходом, чем в настоящую эпоху», — пишет Пашино, удивляясь, что об этом нет сведений в исторической литературе: «Странно, что никто, даже Марко Поло, ничего не говорит об этом проходе»⁵.

По отношению к себе Пашино встречал самое большое доверие и сердечность. Только один раз ему пришлось поклясться, что он не англичанин и не подослан от английского правительства, после чего разговор стал вполне откровенным. «Не смею умолчать, — писал он, — о необычайном радушии их и сердечном доверии к моей персоне»⁶.

Во всех селениях Пашино осаждали больные. Всю свою аптеку, состоящую всего из четырех лекарств, он роздал больным,

¹ П. И. Пашино. По Индии, стр. 113.

² Там же, стр. 92.

³ Там же, стр. 111—112.

⁴ Там же, стр. 112.

⁵ Там же, стр. 44.

⁶ Там же.

но средств против серьезных болезней у него не было. «Чаше других встречавшиеся больные были заражены сифилисом в различных видах и формах... Я очень сожалел, что не взял с собой против этих болезней никаких средств, и если мне судьба приведет итти туда еще раз, то я непременно захвачу с собой этих лекарств... У меня ничего подобного не было с собой»¹, — жалел Пашино. Во время своего второго путешествия ему пришлось побывать в селении по Нижнему Инду. Картина здесь была та же: нищета, бедность, болезни. В деревне свирепствовала лихорадка. Пашино роздал больным свои лекарства. «Благословениям и благодарности я положил конец только тем, что ушел на пароход»². Русский путешественник был прост в обхождении, добр и искренне сочувствовал народу. Несомненно, что с этими его качествами и было связано то большое доверие, которое к нему питали индийцы.

Пашино отмечает глубокое общее недовольство народа. Первую, вполне ощутимую причину своей нищеты индийцы видели в тяжелых налогах, исходящих от англичан. «Налоги громадные, — жаловался русскому путешественнику мулла из селения близ Чачира... — за одну соль какой мы налог платим! Неверные гяуры-инглисы выжимают из нас сок, — чтоб им худо было! — а мы, несчастные, страдаем и гибнем десятками»³.

По дороге к Кашмиру некоторое время спутником Пашино был один индиец. Он принадлежал к высокой касте, некогда был придворным махараджи Патьялы. С этим индийцем Пашино завел разговор об англичанах. Сначала собеседник отвечал русскому путешественнику уклончиво: англичане, де, народ хороший, деловой, смысленный, попусту время не тратят и т. д. Но потом указал два, по его мнению, существенных зла, которые исходят от англичан: миссионерство и налоги. «Налоги на необходимые в обыденной жизни предметы до того высоки, что требуют непременно изменения, — заключает Пашино, — налог на соль и на рис — главный продукт, которым живут индусы, так непомерен, что несчастные пускались в поход за десятки миль, чтобы запасть этим кормом во владениях раджей, но и тут англичане успели принудить самих раджей в видах увеличения их финансов, поднять до такой же нормы налог в подведомственных им местах. Только Кашмир и Непал отказались ввести у себя подобные пошлины. Годичная порция риса в старину обходилась в одну рупию в месяц,

¹ П. И. Пашино. По Индии, стр. 53—54.

² Там же, стр. 171.

³ Там же.

или 12 рупий в год, ныне же он едва в состоянии прокормить одного себя за 30 рупий в год»¹.

Пашино ясно видел, что результаты английского господства для индийцев сказывались в непомерных налогах, нищете, голоде. Кроме того, причину постоянных голодовок в Индии Пашино усматривает в том, что часть земли захватили англичане и производят на ней товарные культуры — опийный мак, хлопок, кофе, чай. «Все это заставляет народ роптать»².

Дервиш-мусульманин, с которым Пашино говорил на хиндустани, выразил не только сильнейшую ненависть к англичанам, но и готовность бороться с ними. Он вспомнил восстание 1857 г., испуг англичан, их поспешное бегство в Лахорскую крепость. «Объявись теперь кто-нибудь Нана-Сахибом, — говорил дервиш, — я бы первый бросился сейчас обрывать телеграфные проволоки и взламывать рельсы железных дорог из мести за моего казненного отца. Поверь, душа, не я один, а сотни, не сотни, а тысячи, десятки и сотни тысяч найдутся таких же недовольных, как я, в среде здешнего населения, которые не руками, а зубами готовы разнести, что принадлежит здесь англичанам. Да вот погоди, не сегодня — завтра, а что-нибудь случится; может и на твоих глазах. Всюду, куда ты ни пойдешь, везде недовольны, а кем? — англичанами»³. Разговор у Пашино с этим дервишем был в 1874 г. в Котри.

Далее Пашино в Котри пересел на железную дорогу. В Пуне, в вагон сели два дервиша. И с ними Пашино разговаривался, на этот раз по-арабски; правда, совершенным знанием арабского языка он не хвалился. Разговор с дервишами зашел об Александре Македонском, но быстро переключился на англичан. «Нечего сказать, был великий человек, почище этих англичан, — пришел к выводу один из красноречивых дервишей. — Про них (англичан. — *Е. Г.*) какая речь идет? Присядешь к огоньку послушать о чем толкуют, услышишь — англичан бранят; соберется кучка народа, трактуют о том, что налоги велики, а кто их, налоги-то эти распределял? — Англичанин. Купцы побросали дело, фабриканты бегут с заводов, а отчего? англичанин больно теснит»⁴.

Подтверждение этих слов Пашино встречал неоднократно. В одном из городов Северной Индии, еще в первое путешествие,

¹ П. И. Пашино. Характеристические черты отношения англичан к индусам. «Церковно-общественный вестник», 1878, № 36—37.

² Там же.

³ П. И. Пашино. По Индии, стр. 176—177.

⁴ Там же, стр. 186.

он видел здание бывшей писчебумажной фабрики, теперь она закрылась, «так как не приносила никакого барыша, вследствие английской конкуренции»¹.

Пашино присматривался к факирам и дервишам Индии. По его мнению, кое-кто из них имел связь с народом. Много среди них было, как утверждал Пашино, бездельников и паразитов, но, по наблюдениям путешественника, порой и среди дервишей и факиров встречались люди другого склада, открыто призывавшие народ к свержению господства иноземцев².

Пашино очень хотел проникнуть в сущность английской колониальной системы. Он досадовал, что не был знаком со сборщиками податей — коллекторами: важная часть аппарата колониального угнетения — сбор налогов — представлялась ему лишь в общем виде.

Представление об отношении англичан к индийцам у Пашино составилось совершенно четкое. Пашино говорит, что это было отношение «высшего существа» к «низшему», отношение пренебрежительное и высокомерное. «Вы не найдете во всем свете человека более надменного, более гордого и слишком высоко о себе думающего, как англичанин в Индии»³.

Пашино, с его идеями буржуазного демократа, не мог критически до конца оценить английскую колониальную систему и поэтому порою наивно восхвалял англичан за то, что они создают для индийцев школы и даже университеты, где, как отмечал сам Пашино, преподавание велось на английском языке. Пашино наивно верил, что для индийцев, выдержавших экзамен, в принципе имеется возможность «поступить на службу, куда угодно, в какое угодно присутственное место, в какой угодно полк»⁴. Правда, Пашино видел и писал, что этим правом в действительности могло воспользоваться лишь ничтожное меньшинство индийцев и что даже это меньшинство могло рассчитывать, как правило, только на третьестепенные посты.

Пашино обратил внимание на то, что англичане по-разному относятся к индусам и мусульманам: в стране с индусским большинством они в 70-х годах XIX в. еще делали ставку, главным образом, на эксплуататорскую верхушку индусской религиозной общины и, осуществляя свою политику «разде-

¹ П. И. Пашино. По Индии, стр. 32.

² П. Пашино. Факиры и дервиши в Индии. «Русские ведомости», М., 1878, № 202.

³ П. И. Пашино. По Индии, стр. 284.

⁴ Там же, стр. 148.

ляй и властвуй», оказывали предпочтение индусам перед мусульманами, когда речь шла о поступлении на правительственную службу.

Мусульманское население, по мнению Пашино, ненавидит англичан и «желает чего-то нового».

Пашино уделил немало внимания изучению народившейся во вторую половину XIX в. индийской интеллигенции. С интересом вглядывался он в новый для него тип индийца, по-европейски образованного.

Когда Пашино ехал на пароходе в Индию, выдавая себя за турка, он разговорился по-персидски с индийским врачом, который получил образование в Калькутте и Лондоне и имел диплом доктора медицины. Доктор с крайним раздражением относился к англичанам и корил Пашино за его разговоры с капитаном парохода — англичанином. Через три года Пашино разыскал своего случайного знакомого в Калькутте и был разочарован: доктор вступил на путь стяжательства, накопил много денег и мечтал о том времени, когда бросит медицину и будет жить на доход со своего капитала. О ненависти к англичанам не было и слова. Пашино пишет, что доктор произвел на него неблагоприятное впечатление¹. Это был представитель типа индийского интеллигента, приспособившегося к английским колониальным порядкам.

Но гораздо чаще Пашино в беседе с образованными индийцами улавливал в их словах горечь и озлобление. Вот инженер-механик с дипломом первого класса Чомон-хан Андрию; родителей своих он едва помнит, с детства был воспитан английскими миссионерами, которые и дали ему возможность получить образование. Но ему, квалифицированному специалисту, удалось получить работу с большим трудом. Вот уже около двадцати лет он служит помощником машиниста в компании пароходства по Инду. Когда во время одной аварии, случившейся на пароходе, Чомон-хану помогал юноша-англичанин, Чомон-хан с горечью сказал: «Не пройдет и трех лет, как он будет где-либо главным машинистом, а я останусь все-таки помощником»².

Капитан парохода «Джон Джакоб», на который пересел Пашино при впадении р. Ченгаб в Инд, был весьма своеобразной фигурой. Сын англичанина и красавицы-индуски, он носил английскую фамилию, получил воспитание в семье отца, учился в Англии в навигационной школе, которую ему не удалось

¹ П. И. Пашино. Образованные индусы. Газ. «Русский мир», 1876, № 277.

² Там же.

окончить: умер отец, и родственники вышвырнули его в Индию. После долгих мытарств он получил место капитана. По словам Пашино, капитан производил неизгладимое впечатление и по своим внешним данным и по своему характеру. Он знал себе цену, был отважен и смел, но англичане не хотели с ним знаться из-за его индийской матери, а индийцы чуждались его. Одинок и ожесточенный, он говорил Пашино: «Вспыхни теперь волнение, я первый пошел бы на сторону индусов, но что же я принесу им с собой?»¹

Конечно, некоторые практические знания индийцы могли получить и при английской системе образования. Но эта система была колониальной, рассчитанной на моральное и умственное угнетение индийцев; поэтому общие знания оставались односторонними, рассчитанными на выработку покорных слуг английских господ.

«Сближает ли образование хоть немного покоренных с завоевателями? — ставит вопрос Пашино. — Нисколько. Несмотря на то, что каждый английский чиновник, выдержавший экзамен из индустанского языка, правоведения и прочих специальных наук, касающихся края, получает добавочное содержание 200 рупий в год, несмотря на эти привилегии, даже знания языка, сближения, кроме официального, между англичанами и индусами никакого нет»². Только сборщики податей, да судьи являются лицами, как иронически пишет Пашино, «поневоле сближающимися» с индийцами. Пашино иронически говорит об этом «сближении» лектора и судьи с народом. «Где же тут сближение? — спрашивает он. — Англичанину, имеющему при себе 15 человек прислуги, конечно, необходимо знать индустанский язык; но, живя в своей семье, вдали от туземного населения, все сближение он ограничивает тем, что, отправляясь по утрам на службу, хлестнет бичом какого-нибудь индуса, перебегающего ему дорогу»³. Таким образом, на конкретных примерах Пашино показывает, что индийцы подвергались несмыслаем оскорблениям, что для индийцев ответственные должности не были доступны ни в управлении страной, ни в армии, ни на предприятиях и в учреждениях. Индийцев от англичан отделяла целая пропасть.

Одновременно с Пашино Индию посетили два крупных ученых-индологов — И. П. Минаев и Моньер-Вильямс. Русский

¹ П. И. Пашино. По Индии, стр. 167.

² П. И. Пашино. Характеристические черты отношения англичан к индусам.

³ Там же.

ученый Минаев, уделяя серьезное внимание религиям Индии, с присущей ему глубиной и проницательностью, одновременно отметил (впервые в европейской литературе) нарастание общеиндийского национально-освободительного движения¹. Профессор санскритского языка Оксфордского университета Моньер-Вильямс также изучал религии Индии и не раз пересекал эту страну вдоль и поперек. Одно из таких его посещений пало на годы 1876—1878. Моньер-Вильямс придерживался консервативных взглядов. Но проповедуя о мнимом «благе» английского правления для индийцев, он вместе с тем был вынужден написать следующие строки: «к сожалению, должен сказать, что мое путешествие по Индии показало мне, что между правительствами и управляемыми существует большая пропасть, которая со времени мятежа (1857—1859 гг.— *Е. Г.*) расширяется и становится все более трудной для преодоления»².

То, что Пашино, особенно во время первого путешествия, общался с народом, является его крупным преимуществом перед целым рядом гораздо более известных в существующей литературе по Индии западноевропейских путешественников. Не увидев и не показав многого, русский путешественник, будучи прогрессивным для своего времени человеком, уловил основное: нарастание народной ненависти к иноземным поработителям. Именно в эти годы Маркс сделал свой знаменитый вывод о возможности всеобщего восстания в Индии:

«В Индии для британского правительства готовятся серьезные осложнения, если не всеобщее восстание»,— писал Маркс³. Прекрасной иллюстрацией этого положения Маркса являются воспоминания Пашино об Индии, в чем несомненно проявляется их ценность как исторического источника.

¹ И. П. Минаев. Очерки Цейлона и Индии, ч. 1—2. СПб., 1878.

² Monier-Williams. Modern India and the Indians. London, 1878, стр. 111.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 113.